

УДК 801.01

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНГЛОСАКСОНСКОГО ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА

Астафурова Т.Н.¹, Олянич А.В.²

¹Волгоградский государственный университет

²Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия
г. Волгоград, Россия

В статье освещаются проблемы лингвосемиотического описания англосаксонского властного дискурса в диахроническом аспекте. Описываются артефакты, символы и знаки, вовлеченные в коммуникацию англосаксонских монархических властных персон XV-XVI вв., производится их семантический анализ на семиотическом, лексическом и дискурсивном уровнях. Большинство параметров исследуются на фоне логической динамической триады «знак – слово – текст». Англосаксонский властный дискурс предстает как конгломератный жанр, включающий признаки институциональной, риторической и ритуальной коммуникации со специфической композиционной структурой.

Ключевые слова: коммуникация, властный дискурс, лингвосемиотика

Актуальность. Власть как социальный феномен и как поведенческая категория всегда была объектом пристального внимания наук о человеке. Потребность во власти, включающая в себя а) потребность в материальных благах, б) потребность в создании необходимого для этого соответствующего порядка в обществе – объекте приложения власти, поставляющем материальные блага, в) потребность в управлении обществом, становится доминантной и вызывает цепочку других потребностей. Для создания общественного порядка необходимо убеждение социума в его необходимости, для убеждения в необходимости требуется создание традиции, т.е. рекурсивности определенных регламентированных событий, что ведет к созданию ритуала; ритуализация общественного бытия влечет за собой формирование неких историко-культурных ценностей. Вся эта цепочка потребностей неминуемо вызывает надобность в инструментах реализации ранее возникших потребностей, при этом главенствующей оказывается нужда в информационном воздействии на общество. Такая иерархия потребностей вызывает к жизни особый тип властного дискурса.

Постановка проблемы. Потребность к власти и вербальные инструменты, используемые для ее реализации, плотно увязаны между собой. Вербалика осуществления потребности к власти может сигнализировать о такой взаимосвязи: «проявить (показать) власть», «показать, кто в доме хозяин», «принять меры», «привести в порядок», «справедливый государственный строй», «общественные устои», «народные ценности», «верность традициям отцов» и тому подобные словосочетания оказываются теми вербальными знаками, которые наделены воздействующей функцией власти и означают направления этого воздействия.

Воздействие, в котором используется дискурс разных типов и подтипов, столь же системно и многоуровнево, сколь системны потребности, формирующие доминантную – властную – потребность.

Обретение власти требует вербальной самопрезентации агента, который вступает в коммуникацию с социумом. Оно также требует мотивированности намерений, и, соответственно, возникшая мотивированность должна получить одобрение социума, иметь такой вектор воздействия на социум, который вызывал бы положительные эмоции у последнего. Инструментом этого воздействия выступает аргументация (риторика убеждения), в свою очередь тесно связанная с вбросом информации в массы (социум), инициирующим властные намерения.

Феномен власти – это один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение между членами социума, один из которых подчиняется распоряжениям другого; в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы. Методами власти выступают убеждение, принуждение, насилие. Процесс управления представляет собой процесс реализации властной воли для достижения цели властителя [2].

Одно из наиболее распространенных представлений о власти – понимание ее как принуждения. Как считает М.И. Байтин, власть безотносительно от форм своего внешнего проявления, в сущности, всегда принудительна, ибо так или иначе направлена на подчинение воли членов данного коллектива господствующей или руководящей в нем единой воле [1]. Наивысшей формой принуждения является *абсолютная власть*, отличительными признаками которой являются:

- *верховенство*, т.е. обязательность ее решений для всего общества для всех других видов власти. Она может ограничить влияние других форм власти, поставив их в разумные границы, либо вообще устранить их;
- *легальность*, т.е. правовое оправдание использования силы и других средств волеизъявления в пределах страны;
- *моноцентричность*, т.е. существование монарха и системы властных органов принятия решений;
- *вездесущность*, т.е. проникновение во все сферы деятельности социума;
- *широчайший спектр* используемых средств для завоевания, удержания и проявления / реализации власти.

Основными элементами власти являются ее субъект, объект и средства (ресурсы). Субъект власти воплощает в себе ее активное, направляющее начало. Им может быть личность или орган власти; для реализации властных отношений субъект должен обладать рядом таких качеств, как желание властвовать и воля к власти. Помимо этого субъект власти должен знать состояние и настроение подданных. Отражением первостепенной роли субъекта в отношениях власти является широко распространенное отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решениях власти, о действиях властей, о произволе власти и т.п., подразумевая под властью управленческие органы или отдельных лиц.

Субъект определяет содержание властного отношения через: 1) приказ (распоряжение) как властное повеление подчиниться воле субъекта власти; 2) подчинение как подведение частной воли под всеобщую волю власти; 3) наказание (санкции) как средство воздействия на отрицание господствующей воли;

4) нормирование поведения как совокупность правил в соответствии с всеобщим интересом.

От приказа, характера содержащихся в нем требований во многом зависит отношение к нему объекта (исполнителей) – второго важнейшего элемента власти. Власть – всегда двустороннее взаимодействие субъекта и объекта. Власть немыслима без подчинения объекта – где нет объекта, там нет власти. Осознание зависимости субъекта власти от покорности населения нашло свое практическое выражение в акциях гражданского неповиновения как средства ненасильственной борьбы. Масштабы отношения объекта к субъекту власти простираются от ожесточенного сопротивления, борьбы на уничтожение до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В сущности, подчинение также естественно присуще человеческому обществу, как и правление.

Логика властной организации общества в целом векторизована в интервале «безграничная – ограниченная власть». Безграничная власть вбирает многочисленные усложненные модификации политико-государственного абсолютизма от моно- до полидержавности. Абсолютизм (самодержавно-тиранический строй) как разновидность апостольства представляет самовластное всевластие, произвол феодально-монархических правителей. Характерные предпосылки абсолютизма как простой формы власти проявляются в слиянии законодательных и исполнительных структур, организующих и контролируемых институций, узурпации власти одним лицом (группой лиц), беззаконном ущемлении прав и свобод подвластных. Ярким историческим примером реализации абсолютной власти в Великобритании XV - XVI в. явилось правление двух представителей королевской династии Тюдоров – Генриха VIII и Елизаветы I, которые усовершенствовали механизм абсолютизма, упростив форму правления до концентрации в одних руках всех видов власти включая религиозную. Сущностные характеристики властной языковой личности раскрываются в соответствующей лингвокультуре через лингвосемиотическое пространство, разноуровневые властные номинации и дискурсивные параметры – *знак, слово, текст*.

Семиотический уровень репрезентации англосаксонской властной языковой личности фиксируется в специфических *артефактах* – символах могущества, в вещах, в более или менее явной форме отсылающих к магическому воздействию на мир и на других людей. Предметы власти отражают усложнение иерархических отношений в социальной реальности, в значительной мере порождаемых интерпретациями объектов, приближенных к власти. Знаки власти (*regalia* – регалии) интересны тем, что на архаических этапах правления схожи во многих культурах своей функциональной простотой и формой: железные меч, щит, шлем как символы воинского старшинства – личное оружие, ношение которого издревле, безотносительно к возможности его применения, уже является символом власти как способности к правлению. Оружие демонстрирует внутреннюю воинственную природу самого правителя. Символом власти было как наступательное, так и оборонительное личное оружие. Из наступательного оружия уже в античности символом власти был меч: при коронациях англо-саксонские короли опоясывались мечом, как это делалось при коронациях римских императоров. После совершения ритуала коронации выезжали верхом на вершину холма и там размахивали мечом на все четыре стороны. Это был символ готовности отражать врага, с какой бы стороны он и наступал на королевство.

Оборонительное оружие (доспехи, щит) являло собой своеобразную «книгу», в которой были «записаны» власть и мощь правителя, причем акцент на оборонительном оружии в монархических ритуалах носил трагический оттенок: так, у англосаксов государственный щит выносили только при похоронах правителя. Оружие как простейший знак власти символизировало первичные (простые) ценности социума того времени – честь и достоинство его владельцев.

Корона тесно связана со шлемом, единственной функцией которого была защита воина во время битвы. Шлем предстает в качестве магического предмета, на котором часто укреплялась геральдическая фигура, указывающая на связь вождя и рядового воина с божественными силами. Постепенно функция шлема усложняется, и король в шлеме предстает не только как верховный военачальник, но и как верховный правитель, в чем просматривается определенный семиотический синкретизм военной и мирской власти.

В более развитых культурах формы количественная и символическая значимость знаков власти постепенно усложняются: золотые корона, щит, меч, скипетр, держава, знамя. К регалиям в широком смысле слова начинают также относить трон, порфиру и другие парадные королевские одеяния. Кроме одежды и наград существенным атрибутом власти становятся трон и стол короля. Последние восходят к «жертвеннику» как к обычному месту принесения даров, который с развитием культуры получил усложненное символическое значение «престола» как указания на близость к Богу и божественное происхождение королевской власти.

Важным символом королевской власти становятся личные средства перемещения: простая способность древних властителей к перемещению верхом на коне трансформировалась в способность к динамической мобильности на более сложных и престижных средствах передвижения, особо отличающих именно властителя, правителя. Поэтому в древности властителя часто изображали верхом на коне или в колеснице, а в эпоху абсолютизма – в карете, как особом символе власти, который использовался в особо торжественных случаях для демонстрации мощи англосаксонской государственности, как презентационный инструмент властного воздействия.

По мере расширения пространства и разветвления форм власти создаются знаки монаршего правления, усложненные по линии хронотопических параметров. Таким знаком власти становится держава как символ владычества над землей: шар державы олицетворяет модель мира. Изображения римских императоров на монетах показывают, что держава как символ императорской власти была использована уже в Риме: на монетах императора Августа изображены шары, на которых начертано, соответственно, EVR (Европа), ASI (Азия), AFR (Африка). В дальнейшем римские императоры часто использовали шар с изображением богини Победы, которое у англосаксонских королей впоследствии заменено крестом.

Со временем перенасыщенное, усложненное смысловое содержание системы символов англосаксонской власти утрачивает свои комплексные функции и упрощается за счет усложнения презентационных форм и ритуалов, проявляющихся преимущественно во временных (*хроносемиотических*) и пространственных (*топосемиотических*) компонентах властного поведения. Так, монарх не управляет (*rule*), а правит (*reign*), т.е. выполняет презентационные функции; должность шерифа, как представителя англосаксонской королевской власти на определенной территории, в

настоящее время утратила свою многофункциональность в связи с фактическим исчезновением института шерифства и упростилась до презентационной функции (*High Sheriff = the chief officer of the King or Queen in a county with mostly ceremonial duties – LDELС*). Первоначальная значимость символов власти как индикаторов могущества (*scepter, orb, crown*) упрощается, а социальная значимость коронации как ритуала легитимного подтверждения власти, дарованной Богом, сводится к театрализованной церемонии, в которой изначальное многокомпонентное и усложненное содержание заменяется пышной формой.

Лексический уровень репрезентации властной языковой личности в англосаксонской лингвокультуре отмечен широкой представленностью лексем, номинирующих субъекты и объекты власти, ее инструменты и ресурсы, властные действия, состояния и процессы, характеризующие этапы «зарождения, жизни и смерти» власти в целом. *Субъекты* королевской власти представлены такими лексическими единицами, как *king, queen, rex, regina, sovereign, monarch*. *Объекты* королевской власти составляют иерархию персоналий, которая имеет четыре уровня приближения к трону монарха: 1) персоны, приближенные к sovereignам по крови и родственным связям (*prince, princess, duke, grand duke, archduke, duchess*); 2) титулы и звания, дарованные sovereignом своим вассалам в качестве привилегий (*count, countess, baron, baronet, baroness, marquis, marquess, marchioness, earl, viscount*); 3) должности, даруемые sovereignом своим подданным (*councillor, privy councillor, sheriff, justice, marshal, archbishop, bishop, prelate, archdeacon, deacon*); 4) королевские слуги (*lady in waiting, maid of honour, personal attendant, valet, master of ceremonies, master of heraldry*).

Инструменты и ресурсы власти обозначают методы и средства, при помощи которых происходило обретение, проявление и удержание абсолютной власти: 1) инструментальные номинации – имена документов, связанных с властным процессом (*prescript, decree, edict, act, rescript, ordinance, ultimatum, verdict, injunction, statute, mandate, query, request, petition, bill, solicitation, precept, order, command, dictate, article*); 2) ресурсные номинации: а) *экономические* – дарование земель и королевского содержания, освобождение от налогов и службы в армии, субсидии на свадьбу и похороны (*inheritance on payment, entire knight's 'fee', the land entrusted, the land granted, 'release from scutage', a reasonable 'aid', etc.*); (*the land granted, 'release from scutage'; posts and positions in office, privileges, freedom grants, ranks and titles; The Order of the Garter, The Order of the Bath, The Order of Merit, The Order of the Golden Fleece; Privy Council, courts, the army, fleet, navy; pageants, public executions*); б) *социальные* – титулы, звания, награды, ордена (*posts and positions in office, privileges; freedom grants, ranks and titles; The Order of the Garter; The Order of the Bath; The Order of Merit; The Order of the Golden Fleece*); в) *политико-силовые* – тайные советы, суды, шерифы, армия, флот, гвардия, подчиненные королю (*Privy Council, courts, the army, fleet, navy, guard*); г) *информационные*, используемые для идеологических целей, таких как разъяснение политики короля, отвлечение внимания масс от непопулярных властных действий (*spectacles, pageants, public executions*).

Властные действия, состояния и процессы номинируются глаголами власти, которые представляют собой особую сферу лексических номинаций англосаксонского властного лингвосемиотического пространства. В число властных номинаций О.В. Анненкова включает лексемы, в семантической структуре которых зафиксированы маркеры «власти» (*authority, force, influence, might, power, right, strength*) и которые

наиболее ярко репрезентируют богатую палитру властных действий и процессов на основных этапах власти. Эти этапы приобретают дифференциальную атрибутику в смысловом содержании лексем, образующих четыре лексико-семантические группы глагольных властных номинаций (ЛСГ) – «обретение власти», «проявление власти», «удержание власти» и «свержение власти». [4].

Доминантой ЛСГ₁ «Обретение власти» выступает лексема *establish* = *to introduce and put a law into force; to make a state institution of (a church)*, значение которой в наиболее общем виде передает процедуру обретения власти, которая уточняется комбинацией семантических признаков «мирное :: насильственное», «легитимное :: нелегитимное», «явное :: скрытое».

Так, *мирная* процедура обретения власти номинируется глаголами *authorize* = *to grant authority or power to smb; to give permission for smth; sanction; attain* = *to succeed in peaceful obtaining authority or power; heir* = *to inherit or be entitled by law or by the terms of a will to inherit the estate of another*. *Насильственное* обретение власти отражено в семантике *arrogate* = *to take or claim for oneself without right; appropriate; defeat* = *to get the better of an adversary or opposition to power; usurp* = *to seize and hold the power or rights of another by force and without legal authority; to take over or occupy without right*.

Скрытое обретение власти выявляется в семантике следующих глагольных лексем: *supplant* = *to usurp the place or position especially through intrigue or underhanded tactics; influence; encroach* = *to take another's possessions or rights gradually or stealthily*. *Явное* обретение власти, с одной стороны, коррелирует преимущественно с мирным и представлено в семантике лексических единиц *en/crown* = *to put a crown or garland on the head of; to invest with regal power; enthrone; to confer honor, dignity, or reward upon; en/throne* = *to invest with sovereign power or with the authority of high office*.

Легитимное и *нелегитимное* обретение власти в глагольных лексемах коррелируют с мирным и насильственным дифференциальными признаками: *appropriate* = *legislate for some specific purpose or use; claim* = *to demand a legitimate or asserted right on something; constitute* = *to establish according to law or provision*.

Доминантами ЛСГ₂ «Проявление власти» выступают лексемы *rule* = *to exercise control, dominion, or direction over; govern; to dominate by powerful influence; to decide or declare authoritatively or judicially; decree* и *command* = *to direct with authority; give orders to; to have control or authority over; to exercise authority or control*. Их семантика покрывает разнообразие властных действий монарха, использующего разнообразные ресурсы власти: привилегии, статуты, собственность. Данная группа является самой многочисленной. В нее входят лексемы, обозначающие действия англосаксонских sovereignов во всех сферах общественной жизни включая религиозную: *adopt* = *to vote to accept; to choose as standard or required by authority; allow* = *to permit to have or possess; amend* = *v.t. to alter a legislative measure formally by adding, deleting, or rephrasing; v.i. to reform; amerce* = *(Law) to punish by imposing an arbitrary penalty; annihilate* = *to nullify or render void; abolish; conscribe* = *to draft for military or naval services; consecrate* = *to declare as sacred (a church); to sanctify (bread and wine) for use in Communion; distribute* = *to give out land or privileges in portions or shares; dominate* = *to control, govern, or rule by superior authority or power; levy* = *to impose or collect a tax; to draft into military service; to declare and wage a war*;

ЛСГ₃ «Удержание власти» конституируется глагольными лексическими единицами, смысловое содержание которых отражает в первую очередь насильственные

(пенитенциарные, репрессивные и карательные) способы борьбы власти с инакомыслием. Семантическими доминантами группы являются лексемы *punish* = *military*) to subject to a penalty for an offense, a sin, or a fault и *execute* = to put to death, especially by carrying out a *lawful sentence*.

Наконец, глагольные лексемы ЛСГ₄ «Свержение власти» номинируют процедуры утраты власти, которые коррелируют с семантическими признаками ЛСГ₁ «Обретение власти» (мирное::насильственное, легитимное::нелегитимное, явное::скрытое), однако имеют противоположную векторную направленность властных действий: *de/dis/un/crown* (*dethrone*) = *cause to abdicate*, *force to resign*; *abdicate* = to relinquish power *officially without resistance* и т.д.

Дискурсивный уровень репрезентации властной языковой личности в англосаксонской лингвокультуре представлен системообразующими признаками властного дискурса: институциональностью, авторитарностью, властными речевыми жанрами, дистанцированностью, риторичностью и т.д. *Институциональность* характеризуется авторитарными правилами и ритуализованными рамками функционирования, поскольку власть как социальный институт реализуется в разного рода нормативных процедурах и организационных формах представленного в них уровня проявления власти.

Авторитарность характеризуется безальтернативными дескриптивами (*just, rightful, supreme*), прескриптивами (*ought to be, shall be accepted and reputed*), репрессивами (*shall have full power and authority to repress*), референтными номинациями лояльности субъекту верховной власти (*is recognized by the clergy, corroboration and confirmation by convocations*), наличием явных и скрытых форм авторитарного воздействия через прямые и косвенные речевые акты давления и нажима на подданных (уничуждение, угрозы, возведение в абсолют права соверена судить, наказывать и миловать), которые реализуются указанием на божественное происхождение королевской власти и статусную неравноценность права наследования, дарования привилегий и вынесения приговоров инакомыслящим / нелояльным.

Так, в речах Елизаветы I преобладают акты прямой угрозы: духовенству ("*Proud Prelate, you know what you were before I made you what you are. If you do not immediately comply with my request, I will unfrock you, by God!*"); членам парламента ("*I desire, these errors, troubles, vexations and oppressions done by these varlets and lewd persons not worthy of the name of subjects should not escape without condign punishment*"); послам и дипломатам при своем дворе ("*And as for your alliance with the House of Austria by which you set so much store, let it not escape your memory that there was one of that house, who attempted to wrest the kingdom of Poland from your King. For the other matters which are too numerous to be dealt with here and now, you shall wait until you hear what is considered by certain of my counsellors appointed to consider them*").

В речах королевы также содержатся поучения и увещевания, маркируемые менторскими номинациями, вербализующими более высокий образовательный статус соверена ("*As for yourself, you give me the impression of having studied many books, but not yet of having graduated to the books of Princes, rather remaining ignorant of the dealings between Kings. As to the law of nature and of nations of which you make so much mention, know that the law of nature and of nations is thus: when war is declared between Kings, either may cut the other's lines of supply, no matter where they run from and neither may they*").

make it a precondition of their losses that these be made good. This, I say, is the law of nature and of nations”).

В речи короля Генриха VIII от 24 декабря 1545 г., произнесенной перед членами британского парламента, ярко проявляются признаки авторитарной манипулятивности субъекта верховной власти. Как отмечает свидетель этого выступления, «these words bring Henry VIII's personality to life – at times *belligerent, then coaxing, mixing flattery and threats*. Unlike his descendants, Henry had few problems with parliament; *his domination of its members was legendary*». Его выступления изобилуют речевыми актами: позитивной самооценки (“*I, whom God has appointed his vicar and high minister here*”; “*How have I governed since my reign? I need not to use many words, for my deeds do try me*”); негативной оценки подданных, их деятельности и компетентности (“*My people look to you for light and you bring them darkness*”); угрозы (“*Amend these crimes, I exhort you; and set forth God's word truly, both by true preaching and giving a good example, or else, I, whom God has appointed his vicar and high minister here, will see these divisions extinct, and these enormities corrected, according to my true duty, or else I am an unprofitable servant and an untrue officer*”); иронии (“*I see and hear daily that you of the clergy preach against each other without charity or discretion. Some are too stiff in their old 'Mumpsimus', others are too busy and curious in their new 'Sumpsimus'*”); издевки (“*How can the poor souls live in concord when you preachers sow amongst them in your sermons debate and discord?*”); просьбы-приказа (“*Meanwhile hold your Peace and loyalty*”).

Разнообразие проявления авторитарности находит свое отражение в жанровой специфике англосаксонского властного дискурса – в трех типах властных жанров: повелевающем (*edict, act, rescript, ordinance, ultimatum*), регулирующем (*verdict, injunction, statute, mandate, query, request, petition, bill, solicitation*) и предписывающем (*precept, order, command и dictate*), реализуемых в письменном и устном формате, в которых своеобразно варьируются признаки «мирная / насильственная, явная / скрытая, легитимная / нелегитимная» реализация власти.

Параметры *дистанцированности* власти отчетливо обнаруживаются во властных паремиях, анализ смысловой структуры которых позволил выявить идеологемы – особый тип вербально закрепленных идеологических предписаний, сознательно культивируемый властью в сознании подданных всеми средствами воздействия [3]. Идеологема, формируясь в культуре от официального верха к массовому низу, реализуется в виде пяти логем, т.е. фиксируемых в паремиях логико-семантических структур оценки (преимущественно негативной) проявления власти: 1) репрессивность власти (*Kings have long arms; Whosoever draws his sword against the prince must throw the scabbard*); 2) вседозволенность власти (*Might is right; He is right who has rights*); 3) двуликость власти (*Power corrupts; The road to hell is paved with good intentions; The law for the rich, and another for the poor*); 4) легитимность власти (*Every land has its own law; New lords, new laws*); 5) мудрость власти (*The king can do no wrong; Divide and rule*).

Англосаксонский властный дискурс предстает как конгломератный жанр, включающий признаки институциональной, риторической и ритуальной коммуникации со специфической композиционной структурой: 1) зачин, или набор этикетных формул приветствия, обращения, апелляции соверена к подданным; 2) вступление, или введение в тему, которое может одновременно являться средством установления контакта с аудиторией, представленной разными сословиями, привлечения их внимания и интереса; 3) главная часть выступления, состоящая из тематических блоков;

4) заключение. Каждая из композиционных частей выступления монарха выполняет определенные функции дискурса: фатическую, информационную, воздействующую и инспиративную.

Тематическая направленность властного дискурса изучаемой эпохи связана со свержением религиозной власти римской католической церкви и утверждением англиканской церкви, во главе которой встал монарх, подавлением инакомыслия. Лингвостилистический анализ выступлений Тюдоров свидетельствует о высоком искусстве публичной речи монархов, отправным пунктом которого является знание законов риторики, умение оратора использовать широкий спектр лингвостилистических приемов, поддерживать у аудитории интерес к обсуждаемой теме и оратору на протяжении всего выступления, поскольку власть не только подчиняет объектов ее приложения, она активно «заигрывает» с ними, создавая иллюзию диалога между субъектом и объектом власти, в котором происходит двустороннее общение. Публичные выступления англосаксонских монархов могут быть отнесены к диалогизированному монологу, отличающемуся высокой степенью апеллятивности, т.е. призывом к действию.

Лингвостилистический анализ дискурса англосаксонской властной языковой личности позволяет выявить наиболее частотные приемы, используемые монархами в публичных выступлениях: наиболее частотным приемом фонетического уровня является аллитерация, лексического уровня – метафора, эпитет и метонимия; синтаксического уровня – антитеза, параллелизм, полисиндетон, градация, повтор, аллюзия, инверсия, авторский и риторический вопросы.

Выводы. Таким образом, знак, слово и текст способствуют тому, чтобы обретенная власть смогла создать свой, выгодный ей социальный порядок и сформировать выгодную для нее социальную среду функционирования (группы и классы людей, одобряющие действия власти). Каждая очередная порция потребностей связана с поддержанием этого порядка и жизнеспособности созданной социальной среды, при этом используются политические вербальные формулы удержания власти и ее упрочнения, создаются традиции и ритуалы приложения власти, осуществляется их вербализация в ритуальном дискурсе. Разумеется, в намерение власти входит поддержание себя как можно дольше (если не сказать – вечно!), аргументация такого намерения также имеет свою поддержку в дискурсе юридическом или правовом. Апофеозом или высшей потребностью власти на пути ее удержания являются, конечно же, а) потребность в собственном обожествлении (идолизации), что отражается в дискурсе религиозном, если религия не отстоит от власти, а максимально к ней приближена в идеологическом отношении; б) потребность в мифологизации и эстетизации власти как некоего ценностного основания миро- и социопорядка, для реализации которой власть эксплуатирует самые разнообразные, и в первую очередь презентационные, возможности.

Список литературы

1. Байтин М. И. Государство и политическая власть. – Саратов, 1972.
2. Краснов Б. И. Власть как общественное явление. – М.: Социально-политический журнал, 1994. – №7. – С. 45-56.
3. Кулина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Уральского ун-та – ЗУУНЦ, 1995.

4. Анненкова О.В. Лексико-семантическая группа англосаксонских властных номинаций // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук. – Вып. 1(1). – Филология, лингвистика, лингводидактика. – Межвузовский сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во ВГСХА, 2005.
5. Henry VIII's Speech before Parliament, 1545: – [http:// www.primarysources.com](http://www.primarysources.com)
6. Queen Elizabeth's Quotes: – [http:// www.elizabethregina.uk](http://www.elizabethregina.uk)
7. Act of Supremacy (1534), The Oath of Supremacy, 2nd Act of Supremacy (1559), Act of Parliament (1536), Elizabeth's Act of Uniformity (1559), The Thirty Nine Articles, Thirty Nine Articles: – [http:// www.wikipedia.com](http://www.wikipedia.com)
8. The Concise Oxford Dictionary of the English Language. – OUP, 2003 (COD)
9. Collins Cobuild English Dictionary. – L.: Collins Pbl., 2000 (CCED)
10. The Oxford Concise Dictionary of Proverbs. – Oxford: OUP, 1996 (OCDP)
11. The Longman Dictionary of English Idioms. – L.: Longman, 1997 (LDEI)
12. The Microsoft Bookshelf Encyclopedia on CD-ROM, 1998.

**Астафурова Т.М., Олянич А.В. ЛІНГВОСЕМІОТИЧНІ ПАРАМЕТРИ
АНГЛОСАКСОНСЬКОГО ВЛАДНОГО ДИСКУРСУ**

У статті висвітлюються проблеми лінгвосеміотичного дискурсу англосаксонського владного дискурсу в діахронному аспекті. Описано артефакти, символи та знаки, що задіяні у комунікації англосаксонських владних персон XV-XVI ст.

Ключові слова: комунікація, владний дискурс, лінгвосеміотика

**Astavurova T.N., Olyanich A.V. LINGUA-SEMIOTIC PARAMETERS OF
ANGLO-SAXON GOVERNING POWER DISCOURSE**

The article highlights problems dealing with lingua-semiotics of institutional Anglo-Saxon governing-power discourse in diachronic aspect. The XV-XVI-th century British Monarchy artifacts, symbols and signs involved into royal communication are being described and analyzed semantically on semiotic, lexical, and discursive (textual) levels. Major parameters are observed through the logical dynamic triad "sign – word – text". Anglo-Saxon governing power discourse is considered as a conglomerate genre that obtains features of institutional, rhetorical and ritual communication with specific composite structure.

Key words: governing power discourse, lingua-semiotics, communication

Поступила в редакцію 23.02.2007